

О происхождении былинных имен Волха и Вольги

© Н. Н. НОСОВ

В статье рассматриваются различные версии происхождения имен Волха и Вольги с целью ответа на вопрос о правомерности их отождествления с этимологической точки зрения. Кроме того, на основании сопоставительных данных частично выявляются возможные мифологические и легендарно-исторические прототипы этих былинных героев.

Ключевые слова: былина, значение, отождествление, происхождение, сюжет, этимология.

Предметом исследования послужили былины, в которых в качестве центральных персонажей присутствуют Волх и Вольга. Существуют два былинных сюжета, в одном из которых участвует Волх (завоевательный поход Волха), а во втором – Вольга (встреча с пахарем Микулой Селяниновичем). Мы рассматриваем оба сюжета как гипотетический единый цикл на том основании, что в них, как правило, совпадают определенные значимые мотивы – мотив чудесного рождения героя и получения им волшебных способностей, а также мотив выступления в поход дружины под предводительством главного персонажа, например:

В та поры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-та мудрости учился он, Волх,
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-та мудрости-то учился Волх,
Обвертываться гнедым туром – золотые рога.

(Волх Всеславьевич) [1. С. 217];

Похотелоя Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.

(Вольга и Микула Селянинович) [Там же. С. 222].

Близкое совпадение этих начальных мотивов вплоть до схожести отдельных художественных средств позволяет отождествлять Волха и Вольгу, рассматривая их как одного героя двух разных былинных сюжетов. В одном из них указанный мотив получит свое прямое продолжение (когда Волх будет применять обретенные «премудрости» на практике), а в другом (о встрече Вольги и Микулы) не найдет дальнейшего распространения.

Таким образом, исследователи ставят перед собой проблему, можно ли считать Волха и Вольгу одним персонажем, или же это два отдельных героя, и тогда объединять два былинных сюжета в цикл не имеет смысла.

В.Я. Пропп, указывая на то, что сюжет о встрече Вольги с Микулой сложился значительно позже, нежели архаичный сюжет о походе Волха, считал, тем не менее, Вольгу персонажем идентичным Волху, но претерпевшим более негативное осмысление в народе в силу исторического развития [2. С. 76]. С.Н. Азбелев, напротив, считал Волха и Вольгу различными персонажами, имеющими и различные исторические прототипы, а оба сюжета имеющими, соответственно, различную историческую основу [1. С. 389]. Таким образом, мнения исследователей по интересующему нас вопросу о правомерности отождествления былинных Волха и Вольги расходятся.

Для комплексного исследования былин о Волхе и Вольге представляется важным выяснить, как на вопрос о правомерности отождествления Волха и Вольги отвечает этимология имен этих былинных персонажей. Если мы сумеем проследить их этимологическое родство, причем родство не на самом раннем срезе (где оно, скорее всего, наличествует), а уже в эпоху Киевской Руси и позднее, это подтвердит правомерность отождествления обоих персонажей. Если родство этих имен не подтвердится этимологически, то следует подумывать над тем, не уместно ли в

этом случае их исторически сложившееся родство (замещение одного имени другим на основе созвучия и т.п.). Если последнее также окажется неуместным, то можно будет говорить о том, что нам представлены различные былинные персонажи, сюжеты о которых, скорее всего, нельзя объединять в единый былинный цикл.

При обращении к этимологическим данным сразу бросается в глаза то, что в ономастике этимология обоих имен дается порознь, имена стоят в отдельных гнездах и, следовательно, должны являться различными именами, а не вариантами одного имени [3, 4].

Имя *Волх* исследователи возводят к корню со значением «волосатый, волохатый, одетый в шкуру зверя» [3. С. 90], а также к корню со значением «волхв» [5. С. 86], «волховство», «волшебство».

В этимологическом словаре современного русского языка, составленном А.К. Шапошниковым, приводится подробная этимология слова *волосы* (ср. указанное *волосатый, волохатый*): «В рус. яз. XI–XVII в. изв. *волось* и *влась* (из цслав.), прозвище *Волось* (1187, 1230 гг.) может быть диал. вариантом имени бога *Велесь*. ▲ Из праслав. **волсь*. Источник: и.-е. **wel-k'-*: **wol-k'-*: **wl-k'-*, основа со смягченным расширителем *-k'-* (с твердым расширителем **wol-k* – “волокно”, с огубленным – **wl-k*” – “волк”). Соответствия: др.-инд. *Válça* – “отросток, гибкий прут, ветвь”, авест. *var'sa* – “волосы на голове”, др.-перс. *vars* – “волос”» [6. Т. I. С. 137].

В статье «Волхв» того же словаря указывается: «В рус. языке XI–XVII вв. изв. *вълхвъ*. ▲ Сродни ст.-слав. *вълхвъ* – то же, вместе с которым восходит к праслав. **вълхвъ*, **вълхва*, **вълхы*, *-ъве*, производным с суф. *-ы-* от основы глаг. *вълснѣти* “бормотать невнятно, говорить косноязычно”. Основа слова **вълхвъ* соотносительна с **вълш-ьба*, **вълш-ьб-ьн-икъ*, **вълш-ьб-ьство*. Дальнейшие связи этого слова не ясны: однокоренное с теонимами *Волос*, *Велес* (?), с этнонимом **волхъ* “*волох*, *влах*, кельт т.е. *друид*” (?), др.-исл. *volþva* “*пророчица, сивилла*” (?), эстон. *võlu* “*ведьма*”, фин. *velho* “*волшебник*” (?). Эстонское и финское слова считаются заимствованными из др.-рус. Ранне-праслав. реконструкт ***(u)ũlsuos* имеет признаки и.-е. суффиксации (*-uo-*)» [6. Т. I. С. 138].

В.И. Даль считал слово *волх* производным от *волхв* [7. Т. I. С. 237].

Интересно, что оба значения корня имени *Волх* оказываются присутствующими и непосредственно самому былинному персонажу: способность оборачиваться, также архетипическая функция охотника делает *Волха* «одетым в шкуру зверя», а чудесные умения выдают в нем *волхва*. Этот разветвившийся надвое корень на более древнем срезе имеет единый исток, обобщенно восходящий к исконному значению «*мертвый*», откуда затем семантически берут начало значения «*оборотень*» и «*волхв*». В этом же гнезде стоит этимологически родственный теоним *Велес*,

Волос – божество, покровительствующее богатству, животным, волшебству и миру мертвых, к тому же возможный змеевидный отец полумифического былинного Волха. Б.А. Рыбаков писал: «Крайне важно учесть отмеченное Ивановым и Топоровым значение корня “Vel” в значении “мертвый”; “wael” (древнеангл.) – оставшийся на поле боя труп. (Также ср. др.-исл. “valr” – “трупы убитых в битве” и “valhǫl” – “Вальхалла” [8. С. 271], дословно “чертог убитых”. – Н.Н.). Быть может, именно здесь мы найдем объяснение позднейшей связи Волоса с культом мертвых. Первоначально, в далеком охотничьем прошлом, Велес мог означать духа убитого зверя, духа охотничьей добычи, то есть бога того единственного богатства первобытного охотника, которое олицетворялось тушей побежденного зверя» [9. С. 222]. В связи с этим стоит вспомнить о мотиве охотящегося князя-оборотня в сюжете о походе Волха:

Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвёрнется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по ра́мению,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы – любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезговал;
Волх поил-кормил дружинушку хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцев, –
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые...

(Волх Всеславьевич) [1. С. 218].

В.П. Калыгин также свидетельствует о том, что «и.-е. *uel-* представляет собой сложный семантический комплекс (ассоциативно-семантический ряд) “смерть – покойник – души усопших – царство смерти – божество смерти – богатство – власть – воля (поэтическая) речь – видение – жреческая функция”» [10. С. 153].

Итак, этимология имени *Волх* выстраивается следующая: *Волх* > *волохатый* (т.е. *волосатый*, в звериной шкуре) > *волхв* (волшебство) > *Волос* (*Велес*) > **Vel* (мертвый). Как видим, имя имеет славянское происхождение от единого индоевропейского корня.

С именем *Вольга* дело обстоит сложнее и запутаннее, поскольку единой его этимологии нет. Мы можем констатировать, что существуют как исследователи, считающие имя *Вольга* славянским по происхождению, так и исследователи, считающие его исконно германским и перенесенным на славянскую почву через варяжские связи. Имя *Вольга* возводят к имени *Олег* [11. С. 81], равно как А.Н. Афанасьев в XIX веке («Древнейшему сказанию о происхождении богатыря-громовника от змея [речь идет о Волхе/Вольге. – Н.Н.] придана была впоследствии историческая окраска, и в самом богатыре этом стали видеть вешего Олега» [12. Т. II.

С. 294]) и С.Н. Азбелев в XX веке видит в былинном Вольге исторического князя по имени *Олег* [1. С. 390]. Тогда имя *Вольга* оказывается измененной формой имени *Олег*, которое, в свою очередь, может иметь либо славянское, либо германское происхождение. Но имя *Вольга*, оказываясь производным от имени *Олег*, следовательно, оказывается вторичным и в любом случае сложившимся уже на чисто славянской почве, где известно явление прибавления звука [в] к начальному губному гласному звуку: *в-улица*, *в-острый*, наконец *В-ольга*. *Ольга*, женская пара имени *Олег*, в летописях многократно названа *Вольгой* или *Волгой* [11. С. 84], что свидетельствует о тогдашней продуктивности подобного фонетического преобразования данного начального слога. Кроме того, эти фонетические процессы отразились и непосредственно в языке былин. Некоторые записи сюжета о Вольге отразили и отсутствие такого процесса: так, И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин ссылаются на сюжеты о встрече Вольги и Микулы, где первый именуется *Ольга* [13. С. 100].

Этимологию имени *Олег* возводят к древнеиранскому *халег* – «творец», «создатель» [3. С. 324], «святейший» [11. С. 84]. Исследователи, полагающие, что имя *Олег* имеет германское происхождение, возводят его к скандинавскому имени собственному *Helgi* – «святой», «священный» (ср. нем. *heilig* – «святой», *Heil* – «слава», «благо», англ. *holy* – «святой»), имеющему женскую пару *Хельга*, равно как имя *Олег* имеет женскую пару *Ольга*. «Интересно, что и в церковных святцах имя Олег “переводится” как святой, невзирая на то, что имя указывается то как славянское, то как скандинавское» [11. С. 84]. М. Фасмер указывал следующую этимологию имени *Олег*: «имя собств., др.-русск. *Ользь* (Пов. врем. лет). Из др.-сканд. *Helgi*, родственного нов.-в.-н. *heilig* “святой”» [14. Т. III. С. 133].

Существует также трактовка происхождения этого имени от балтийского *ilga* – «награда», «дар» (ср. др.-рус. *льга* – «благодать», «польза») [3. С. 324]. «Историк Костомаров указывал на слова, происшедшие от одного корня с именем Ольг: льгота, вольгота» [11. С. 87]. В связи с подобным значением имени героя здесь полезно вспомнить о былинном мотиве одаривания предводителем Вольгой Микулы Селяниновича в сюжете о встрече Вольги и Микулы:

Ай же ты, Микула Селянинович!
Я жалую от себя трема городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую!

(Вольга и Микула Селянинович) [1. С. 227].

Другое значение имени *Олег* выводят из славянского корня *-ол-*, означающего «великий». В этом плане показательно, что в Древней Руси это имя и его модификации употреблялись, по преимуществу, в аристокра-

тической, княжеской среде. Равно как и былинный Волх/Вольга соотносится именно с дружинно-княжеской средой раннего образца.

Д.И. Иловайский, ведя полемику с норманистами, предлагает чисто славянскую этимологию имени *Олег*, настаивая на мнении о том, что если лингвистические сходства и имеют место, то объясняются они не заимствованиями, а общим индоевропейским происхождением. Он продолжает: «*Олег* и женское *Ольга* будто бы суть не что иное, как норманские *Holgi* и *Holga*; что есть сокращенное мифологическое имя *Halogi*, означающее *высокое пламя* <...>; по другому мнению, это имя происходит от *heilig*, святой <...> Об Олеге и Ольге мы можем сказать, что они были в числе самых любимых имен у наших предков. Олег встречается до XIV века включительно; а Ольга перешла и в христианскую ономастологию. (Другая ее форма, судя по Константину Багрянородному, была Ельга. Переход начального *e* в *o* и обратно был у Славян обычным; напр.: озеро – езеро, ерел – орел, елень – олень, Волос – Велес и т.п.) В летописях можно встретить это имя и с начальной *o*, т.е. Волга вместо Ольга (Лавр. 24 и 27), Вольгович вместо Ольгович (Ипат. под 1196). Форма Вольга употреблялась у нас и в мужском значении; напомним известного Вольгу, богатыря наших былин. Чуждое имя никогда не могло получить такую популярность в народе. Никогда не могло оно распространиться и на имена рек, которые вместе с личными именами по большей части ведут свое начало от времен мифологических. Название главной русской реки Волга несомненно есть то же самое имя. Вообще в языческую эпоху народные и личные имена мы постоянно находим в тесной связи с географическими именами и преимущественно с названиями рек <...> Кроме известной Волги, есть еще река Вольга во Владимирской губернии. Река Олег упоминается летописью (Ипат.) под 1251 годом, в походе Даниила Романовича на Ятвягов. А первая половина имени литовских князей Ольгерд и Ольгимунт разве не есть тот же Ольг или Олег? Литовское племя, как известно, находилось в более близком родстве с Славянским, чем с Германским. У других Славян, именно у древних Чехов, тоже встречаются: *Olek*, *Oleg* и *Olha*» [15. С. 136–138].

Однако Д.И. Иловайский не указывал лексического значения и самих этих славянских слов, из которых, по его мнению, произошло рассматриваемое имя. Между тем, если его наблюдение над связью личных имен русских эпических героев с гидронимами (подкрепленное и другими примерами: «...Русь или Рось, Дон или Дунай, Тур или Тавр и пр.» [15. С. 137]) верно (в этот ряд мы могли бы по аналогии добавить, например, названия рек Волхов и Горынь), то для установления лексического значения мы вправе обратиться к этимологии гидронимов.

М. Фасмер указывал: «Вóлга <...> Этому названию соответствует чеш. *Vlha* – река бассейна Лабы, польск. *Wilga* – река бассейна Вислы, отсюда вероятнее всего принять праслав. *Vьlga, ср. *вóлгый*, польск.

wilgoć “влажность”, с другой ступенью чередования: русск. волóга, ст.-слав. влага (ср. интонацию: -олó- и Vólга, а не *Volgá)). Затем автор этимологического словаря указывал на то, что фонетически выводить это название из финских и еще ранее из тюркских созвучий не представляется возможным [14. Т. I]. В этом случае имя *Вольга*, а вместе с ним *Олег*, этимологически и лексически восходит к слову *влага*, имеющему славянское происхождение.

Молодой современный исследователь В. Ларионов, вслед за Д.И. Иловайским считающий форму *Олег* славянской, но, тем не менее, родственной скандинавскому *Хельги* и литовскому *Ольгерд*, отмечает, что в древности имя *Олег* бытовало у славян Русского Севера, ведя «свое семантическое происхождение от времен общеарийского единства» [11. С. 84]. Он также указывает на то, что имя *Олег* было весьма распространено в народе, чем и объясняются все его фонетические вариации [11. С. 87].

Напомним, однако, что М. Фасмером непосредственно имя *Олег* возводится к уже указанному нами скандинавскому *Helgi* [14. Т. III. С. 133], и в таком случае о славянской этимологии имени *Вольга* (если оно является производным от имени *Олег*) говорить становится затруднительно.

В.Ф. Миллер, отрицая князя Олега как исторический прототип былинного персонажа, и вовсе возводит имя *Вольга* не к *Олег*, а непосредственно к *Ольга*, наблюдая и родство данного персонажа соответственно с княгиней Ольгой: «О блаженной княгине Ольге (равноапостольной) говорила народу церковь, сведения о ней благочестивые люди черпали из Прологов и Минеи. На основании всего этого возможно допустить, что глухое предание о каких-то грандиозных словах Ольги или, по русскому произношению, Вольги, вспоминаемых летописью, в дальнейшем его брожении в народных устах могло вызвать в фантазии народа представление об охотах какого-то богатыря князя Вольги, жившего во времена Владимира и состоявшего с ним в родстве. Таким путем, без всякого воздействия преданий об Олеге, следы которых, при всем старании некоторых исследователей (особенно М.Г. Халанского), не удается отыскать в былинах, можно себе представить появление в них удалого охотника, племянника эпического Владимира. Этим забвением и искажением предания объясняю я себе и женское имя удальца-охотника. Из имени Ольг, Вольг труднее объяснить былинное имя с женским окончанием, между тем как имя Вольга в летописи довольно обычная форма для имени Ольги» [16. С. 264].

Итак, как было уже сказано, единой этимологии имени *Вольга* не существует. Эта проблема очень ярко отражает соперничество норманистов и антинорманистов, где первые выступают за германское происхождение имени, а вторые за славянское. Между тем, по нашему мнению, прав был Д.И. Иловайский, утверждавший, что подходить к этому

вопросу следует не на основании ближайших созвучий, а на основании общеиндоевропейского языкового родства [15. С. 305]. Однако сразу же вслед за этим утверждением Д.И. Иловайский противоречит самому себе, делая попытку продемонстрировать чисто славянскую этимологию имени *Олег*, освобожденную от любых родственных германоскандинавских влияний. Чуть лучше проблему представляет В. Ларионов, не отрицающий более обширного родства. А М. Фасмер, напротив, напрямую возводит *Олег* к *Helgi*, не оставляя места славянскому влиянию.

Между тем (пусть даже временами варьирующаяся) этимология собственных имен былинных персонажей Волха и Вольги пролила свет на их семантику и явно указала на то, что перед нами различные имена. Действительно, одно из них – *Волх* – означает одетый в шкуру зверя > *волхв* > *Во(е)лес* > *связанный с миром мертвых, а другое – *Вольга* (измененное *Олег*) означает «влага» («вода»; ср. так же *святая вода*) > *святой* > *покровитель* > *великий > *творец.

А если мы имеем дело с различными именами, из этого следует, что их носители должны являться разными людьми, а не одним персонажем. Однако для того чтобы подтвердить это, нам также следует задуматься над тем, различал ли их народ. Это мы можем узнать, только обратившись к былинам. В пользу того, что народ разделял Волха и Вольгу, говорят разные сюжеты, в которых фигурирует каждый из персонажей. В пользу того, что народ отождествлял их, свидетельствует схожесть мотивов, причем мотивов тех, которые касаются непосредственно характерологии былинного героя. (С другой стороны, не следует забывать о том, что в таком совпадении мотивов перед нами, возможно, предстает явление *loci communes*, хотя и характерных, прежде всего, для данных сюжетов и для этих созвучных имен.)

К этому мы должны добавить данность так называемой «народной этимологии», которая могла сыграть свою роль именно в отождествлении народом обоих персонажей – их совмещение народным сознанием могло основываться на чистом созвучии имен *Волх* и *Вольга*. Естественно, народ не мог принимать во внимание различие этих имен, на которое указывает академическая этимология. Тем более, как отмечает В.П. Аникин: «В поздних переработках Волх превращен в князя Вольгу, защитника Киевской Руси» [17. С. 309].

Сомнительно, чтобы народ столь долгое время сохранял память о каком-либо другом персонаже с тем, чтобы сочинить о нем отдельную былинку значительно позже. Логичнее вслед за В.Я. Проппом полагать, что сюжет о Вольге сложился на основе ранее бытовавшего сюжета о Волхе, когда само имя *Волх* стало уже малоупотребительным (последнее упоминание – южнославянская среда, XII в. [3. С. 90]). Хотя С.Д. Домников отмечает упоминание имени *Волх* в «Цветнике» (1665 г. – *Н.Н.*) [5. С. 86], однако там оно может быть употреблено «по старой памяти»,

поскольку речь идет о том самом архаичном герое Волхе (представленном здесь в «Сказании о Словене и Русе и городе Словенске»), и в этом случае его имя являет собой не общеупотребительное имя собственное, а анахронизм.

В древнерусском тексте Хронографа (1679 г.) имя фигурирует не в форме *Волх*, а в форме *Волх(о)в* и связывается с названием реки Волхов: «И старейший, Словен, с родом своим и со всеми, иже под рукою его, седе на реце, зовомей тогда Мутная, последи ж Волхов проименовася во имя старейшаго сына Словенова, Волхова зовома <...> Болший сын оного князя Словена – Волхв безоугодный и чародей, лют в людех тогда бысть и бесовскими ухищрени и мечты творя и преобразуяся во образ лютого зверя коркодела и залегаше в той реце Волхове водный путь. И непоклоняющихся ему овых пожираше, овых изверзая потопляше. Сего же ради люди, тогда невегласи сущим богом окаянного того нарицаху... Постави же он, окаянный чародей, ношних ради мечтаний и собрания бесовского градок мал на месте некоем, зовомом Перыня, идеже и кумир Перун стояше. И баснословят о сем Волхве невегласи, глаголюще: “В боги сел”... О сем окаянном чародеи и волхве – яко зло разбиен бысть и удушен от бесов в реце Волхове и мечтании бесовскии окаянное тело несено бысть вверх по одной реце Волхову и извержено на брег против волховного оного городка, иже ныне зовется Перыня. И со многим плачем от невеглас ту погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою. И могилу ссыпаша над ним вельми высокоу, яко есть поганым. И по трех убо днех окаянного того тризнища просядеся земля и пожре мерзкое тело коркоделово» [18. Т. XXXI].

Новый былинный сюжет почерпнул из прежнего сюжета наиболее яркие, с точки зрения народа, мотивы характерологии героя и ввел персонажа Микуну, на позднейшем срезе оказавшегося для народа более актуальным, нежели архаичный Волх/Вольга, и получившего более позитивную народную оценку, вытеснив на периферию самого Вольгу, который занимал в более раннем сюжете центральное место [2. С. 76]. Того же мнения о сложении сюжета о Вольге на основе более раннего сюжета о Волхе придерживаются И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин: «Видимо, образ Вольги-волшебника (точнее Волха. – *Н.Н.*), устрашающего животных, охотника и устроителя рыбной ловли – весьма древний, связанный с эпохой, когда в хозяйстве славян превалировали охота и промыслы. В нем нашел художественное отражение охотничье-промысловый быт, господствовавший некогда в хозяйственной жизни славянства. На этот архаический персонаж наложился впоследствии образ Вольги – племянника князя Владимира, получившего от своего могучего родича три города» [13. С. 99].

Итак, рассмотрение этимологии каждого из имен собственных свидетельствует не в пользу правомерности отождествления их носителей. Но с таким же успехом не в пользу отождествления даже Волха

с Волхом, а Вольги с Вольгой свидетельствуют различные отчества персонажей в разных вариантах былин: *Всеславьевич, Ярославьевич (Ярославич), Буслаевич (Буславлевич), Святослав(з)ович*. Варьирование отчеств объясняется, по всей видимости, тем, что они воспринимались как вторичные, добавочные к имени собственному и неудобнопроизносимые, а не тем, что каждое из них принадлежит отдельному персонажу.

Отождествление Волха и Вольги не противоречит, таким образом, явлениям народной этимологии (особенно основанном на созвучии), несмотря на то что, с точки зрения академической этимологии, мы имеем дело с различными именами. Между тем перед нами тот случай, когда могут различать имена, но не различать их носителей. В пользу отождествления Волха и Вольги народом и былинной свидетельствует, прежде всего, непосредственно текст: одинаковый мотив чудесного рождения героя как в сюжете о Волхе, так и в сюжете о Вольге; одинаковый мотив обретения героем «хитрости-мудрости»; одинаковый статус героя в том и другом сюжете: предводитель выступающей в поход княжеской дружины. Также о правомерности отождествления персонажей в некоторой степени свидетельствуют изыскания в области мифологических и исторических прототипов былинного Волха/Вольги, хотя и это поле остается дискуссионным: принимая во внимание необходимость четкого различения реальной исторической основы для фольклорного сюжета и ее фольклорной интерпретации, приходится констатировать, что относительно уже одной только исторической основы у исследователей нет единого мнения.

Наконец, в пользу отождествления Волха и Вольги, как нами было отмечено, свидетельствует народная этимология, допускающая простое созвучие; возможность народного конструирования былинного образа Вольги на основе более раннего образа Волха. Но здесь необходимо отметить то, что каждое из этих имен достаточно устойчиво закреплено за своим сюжетом, сюжет и имя не смешиваются: Волх не называется Вольгой в вариантах сюжета о походе князя-оборотня на Индейское царство; Вольга не именуется Волхом в вариантах сюжета о встрече богатыря с Микулой Селяниновичем.

Таким образом, вопрос о дальнейшей правомерности отождествления Волха и Вольги должен решаться, основываясь в первую очередь на текстологии, а не на этимологии.

Литература

1. Былины / Подготовка текстов, вступительная статья и примечания С.Н. Азбелева. Л., 1984.
2. *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М., 2006.
3. *Баженова А.И.* Славян родные имена. М., 2006.

4. *Морошкин М.* Славянский именовслов или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
5. *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002.
6. *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
8. *Стеблин-Каменский М.И.* Древнеисландский язык. М., 2006.
9. *Рыбаков Б.А.* Рождение богов и богинь // Мифы древних славян / Составление Баженовой А.И., Вардугина В.И. Саратов, 1993.
10. *Калыгин В.П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006.
11. *Ларионов В.Е.* Витязи Святой Руси. М., 2004.
12. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995.
13. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Об исторических основах русского былевого эпоса // Русская литература. 1983. № 2.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971.
15. *Иловайский Д.И.* Начало Руси. М., 2006.
16. *Миллер В.Ф.* Народный эпос и его история. М., 2005.
17. *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество. М., 2004.
18. ПСРЛ. Л., 1977. Электронное издание: <http://pravoslavie.chestisvet.ru/index.php4?id=207>

